

ТЕКСТОЛОГИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-1-68-73

М.П.Гребнева¹*Алтайский государственный университет*

ВИДЫ ЭКВИВАЛЕНТОВ ТЕКСТА В РЕДАКЦИЯХ ПОЭМЫ М.Ю.ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»

В публикации рассмотрены разновидности эквивалентов текста в восьми редакциях поэмы М.Ю.Лермонтова «Демон»: нереализованные, невостребованные, имеющие переменный характер, замещающиеся за счет предыдущих и последующих вариантов, скрытые. Перечисленные типы эквивалентов текста не только свидетельствуют о графических особенностях лермонтовского стиха, но и позволяют выявить зашифрованную информацию, демонстрирующую характер работы автора над поэмой, подчеркнуть их особую продуктивную роль, указывающую на то, как постепенно изменялся «Демон», как с течением времени из романтической поэмы он превращался в стихотворную повесть.

Ключевые слова: эквиваленты текста и их виды: нереализованные, замещающиеся, невостребованные, переменные, скрытые

M. P. Grebneva*Altai state University*

TYPES OF TEXT EQUIVALENTS IN EDITIONS OF M. YU. LERMONTOV'S POEM «DEMON»

The publication considers the varieties of text equivalents in eight editions of the poem “Demon” by M. Yu. Lermontov – unrealized, unclaimed, having a variable character, replaced by previous and subsequent options, hidden. The listed types of text equivalents not only testify to the graphic features of Lermontov’s verse, but also make it possible to reveal encrypted information demonstrating the nature of the author’s work on the poem, to emphasize their special productive role, indicating how the “Demon” gradually changed, as over time it turned from a romantic poem into a poetic story.

Key words: text equivalents and their types: unrealized, replaced, unclaimed, variables, hidden

Наряду с автореминисценциями и реминисценциями [Аринштейн, 1985, с. 23–48] одним из средств, показывающих взаимодействие редакций поэмы М.Ю.Лермонтова на уровне жанра и их эволюцию в плане стихотворного повествования, являются эквиваленты текста, определенные Ю.Н.Тыняновым как замещающие текст внесловесные эквиваленты [Тынянов, 1965, с. 43]. Их можно также назвать скрытыми автореминисценциями, подчеркивающими продуктивный характер творчества.

¹ Гребнева Марина Павловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (Барнаул).

Эквиваленты текста предполагают, условно говоря, «предисловие» или «послесловие». В этой ситуации они так же, как и автореминисценции, выступают в качестве особого художественного приема, обращенного в будущее или прошлое творчество. Отточия, тире, перестановки и пропуски строк, которыми обычно обозначаются эквиваленты текста, могут быть обусловлены цензурными, автобиографическими и художественными причинами.

Проблема изучения внесловесных элементов текста связана, в частности, с творчеством А. С. Пушкина: со стихотворениями «К морю», «Полководец», «Ненастный день потух», «Недвижный страж», с поэмами «Кавказский пленник», «Руслан и Людмила», с романом в стихах «Евгений Онегин» и др. [Чумаков, 1970, с. 20–33; Тынянов, 1965, с. 24–76; Благой, 1971, с. 194–210; Борисова, 2007, с. 113–120].

Лермонтов использовал эквиваленты текста в стихотворениях «Веселый час», «К Гению», «Наполеон», «Когда последнее мгновенье» и других, а также в поэмах «Кавказский пленник», «Корсар», «Преступник», «Джюлио», «Ангел смерти», «Последний сын вольности», «Боярин Орша», «Монго», «Тамбовская казначейша» и, конечно, «Демон».

Однако, как отмечала И. Б. Борисова, «поэзия М. Ю. Лермонтова всегда активно изучалась и продолжает изучаться, но, насколько нам известно, ни одна из работ не была посвящена ее графическому облику» [Борисова, 2014, с. 13].

В последнее время интерес к графическому облику лермонтовского текста продемонстрировали ставропольские исследователи [Штайн, Петренко, с. 549–553].

В шести редакциях поэмы из восьми встречаются эквиваленты текста. Исключением оказались первая и пятая редакции. Первая в силу того, что Лермонтов только начал работу над поэмой, а пятая благодаря наметившейся дистанции между автором-повествователем и героем, а также усилившемуся повествовательно-пародийному началу. Эквиваленты текста способствуют переходу от фрагментарности ранних редакций к последовательной повествовательности зрелых вариантов, так как они заполняют сюжетные и композиционные зияния.

Различается несколько видов замещающих текст внесловесных элементов в лермонтовской поэме «Демон».

Например, во втором варианте «Демона» описывается состояние героя, увидевшего монахиню: «Он искусить хотел – не мог, / Не находил в себе искусства; / Забыть – забвенья не дал бог, / Любить – недоставало чувства» [Лермонтов, 1962, Т. II, с. 553]². Приведенным строчкам в тексте предшествует два ряда точек, которые в третьей редакции исчезают, т. е. эквивалент оказывается **нереализованным**³, хотя строфа дополняется двенадцатью новыми строчками, выпадающими в пятой редакции: «Что делать? – новые мечты / И чуждые поныне муки! / Так,

² Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием номера тома и страниц.

³ Выделено здесь и далее нами. – М. Г.

демон, слыша эти звуки, / Чудесно изменился ты. / Ты плакал горькими слезами, /
Глядя на милый свой предмет, / О том, что цепь лежит меж вами, / Что пламя
в мертвом сердце нет; / Когда ты знал, что не принудит / Его минута полюбить, /
Что даже скоро, может быть, / Она твоею жертвой будет» (2, с. 571).

Эти строки в третьей редакции опережали бы события, предвещая сюжетные новации в восьмом варианте. Вообще последнее четверостишие выглядит странно в смысловом и грамматическом отношении. «Правильнее» было бы читать «Когда б ты знал, что не принудит...».

В шестой редакции от рассматриваемой строфы остаются четыре строчки: «То был ли признак возрожденья?.. / Он подойти хотел – не мог! Забыть? / – Забвенья не дал бог – / Да он и не взял бы забвенья!» (2, с. 614). Однако написанное во втором, третьем и пятом вариантах не пропало бесследно, так как в последнем варианте «Демона», после несколько видоизмененных строк шестой редакции: «То был ли признак возрожденья? / Он слов коварных искушенья Найти в уме своем не мог... Забыть? / – забвенья не дал бог: / Да он и не взял бы забвенья!.. (2, с. 510), появляется ряд точек, свидетельствующий, на наш взгляд, о том, что часть строфы из пятой редакции может занять это место: «И удалиться он спешил / От этой кельи, где впервые / Нарушил клятвы роковые, / Земной святыне уступил. / Но прелесть звуков и виденья / Остались на душе его, / И в памяти сего мгновенья / Уж не изгладит ничего!» (2, с. 594). В этом случае эквивалент текста предстает **замещающимся** за счет предыдущих вариантов текста, но Лермонтов использовал также и те внесловесные элементы, которые осуществлялись благодаря последующим наработкам.

Так, во второй редакции, говоря о монахине, автор-повествователь задается вопросом: «Любовь ли сердце испугала, / Опасность ли – о том узнать / Никто не думал испытать» (2, с. 554). После этих слов в тексте поэмы – ряд многоточий. Реализация эквивалента происходит достаточно полно благодаря истории Тамары шестой и восьмой редакций, которая включает в себя гибель жениха героини, ее любовь к духу и уход в монастырь. На это обстоятельство указывает, в частности, совпадение части строфы второй редакции с ее аналогом из восьмой. Тамара, как и монахиня, сидит у окна и ждет:

2 редакция
Как часто дева у окошка
Взирала на берег морской.
Печаль ее хотя немножко
В то время делалась живой. (2, с. 554–555)

8 редакция
Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумье одиноком
И смотрит в даль прилежным оком,
И целый день, вздыхая, ждет... (2, с. 521)

Работа над «Демоном» предполагала не только переработку старого материала, но и полный отказ от него. В этом случае мы имеем дело с **невостребованными** эквивалентами текста. Механизм их действия можно рассмотреть в связи с образом Ангела во второй редакции поэмы: «И крылья легкие, как сон, / За белыми плечьями сияли; / Стан тонкий свеж и прям: таков / Зеленый кипарис садов» (2, с. 564). Два ряда точек после этой цитаты образуют графический эквивалент текста. В третьей редакции две последние строки выпадают, и текст приобретает следующий вид: «И крылья легкие, как сон, / За белыми плечьями сияли. / И был небесный свод над ним Украшен радугой цветистой, / И волы с пеной серебристой / С каким-то трепетом живым / К скалам теснились вековым» (2, с. 583). В пятой редакции приведенный вариант эквивалента текста сохраняется (2, с. 606), в шестой редакции он сокращен до одной строки «Спустился ангел легкокрылый» (2, с. 639), в восьмой редакции посланник бога лишается самостоятельного значения, оказывается одним из многих: «Один из ангелов святых / Летел на крыльях золотых...» (2, с. 537). Пропуск строк можно объяснить тем, что нарочито подробное описание Ангела в конце поэмы было бессмысленным, тем более что оно могло породить нежелательное сравнение с Демоном, а может быть, в какой-то степени напомнить описание жениха Тамары.

Наряду с невостребованными эквивалентами текста есть и такие, которые могут то появляться, то исчезать, т.е., они имеют **переменный** характер. Так, во второй редакции Лермонтов пишет о Демоне, блуждающем у стен монастыря и желающем проникнуть в келью монахини: «Он к ней прокрадется туда, / Среди обители уснувшей; / И там погубит навсегда / Предмет любви своей минувшей!» (2, с. 559). После этих слов в этом варианте многоточий нет, зато они возникают в следующей, в третьей редакции. В пятом варианте они вновь исчезают, а в шестом, как и следует ожидать, появляются перед словами Тамары: «О! кто ты? Речь твоя опасна! (2, с. 627).

Особый вид эквивалента текста – **скрытый**, связанный с пропуском строк без какого-либо графического их обозначения, как, например, в шестой редакции, где они еще есть, по сравнению с восьмой редакцией, где их уже нет:

6 редакция
 Я тот, чей взор надежду губит,
 Едва надежда расцветет,
 Я тот, кого никто не любит
 И все живущее клянет; (2, с. 628)

8 редакция
 Я тот, чей взор надежду губит;

 Я тот, кого никто не любит;
(2, с. 525)

В данном случае, как нам представляется, неиспользованные строки шестой редакции оказываются тавтологичными, они не способствуют сжатости и выразительности стиха, поэтому Лермонтов от них отказывается.

Таким образом, разнообразные эквиваленты текста – нереализованные, не востребуемые, имеющие переменный характер, замещающиеся за счет предыдущих и последующих вариантов, скрытые, свидетельствуют не только о графических особенностях лермонтовского стиха, но и о том, как постепенно изменялся замысел поэмы «Демон», как с течением времени из романтической поэмы она превращалась в стихотворную повесть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аринштейн, Л. М. Реминисценции и автореминисценции в системе лермонтовской поэтики / Л.М.Аринштейн // Лермонтовский сборник. – Ленинград: Наука, 1985. – С. 23–48.

Благой, Д. Д. «Бездна пространства» (О некоторых художественных приемах Пушкина) / Д.Д.Благой // Проблемы теории и истории литературы: Сб. ст. – Москва: Изд-во МГУ, 1971. – С. 194–210.

Борисова, И. М. О композиционных функциях графических формантов в поэме М.Ю.Лермонтова «Демон» / И.М.Борисова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 11. – С. 13–16.

Борисова, И. М. Пушкин в истории графики русского классического стиха / И.М.Борисова // Пушкин и пушкинские традиции: Материалы Международной конференции, посвященной году А.С.Пушкина в Казахстане (7–8 декабря 2006 г.). Ч. 1. – Алматы: КазНПУ им. Абая. 2007. – С. 113–120.

Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / М.Ю.Лермонтов. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. – 704 с.

Тынянов, Ю. Н. Проблемы стихотворного языка / Ю.Н.Тынянов. – Москва: Советский писатель, 1965. – С. 24–76.

Чумаков, Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина» / Ю.Н.Чумаков // Пушкин и его современники: Ученые записки Ленинградск. гос. пед. ин-та им. А.И.Герцена. – Псков, 1970. – Т. 434. – С. 20–33.

Штайн, К. Э. Графическая фактура прозаического и поэтического текста М.Ю.Лермонтова / К.Э.Петренко, Д. И. Штайн // Лермонтовский текст: Ставропольские исследования о жизни и творчестве М.Ю.Лермонтова. Т. 2. – Москва: Флинта, 2016. – С. 549–553.

REFERENCES

Arinshteyn, L. M. Reministsentsii i avtoreministsentsii v sisteme lermontovskoy poetiki / L.M.Arinshteyn // Lermontovskiy sbornik. – Leningrad: Nauka, 1985. – S. 23–48.

Blagoy, D. D. «Bezдна prostranstva» (O nekotorykh khudozhestvennykh priemakh Pushkina) / D.D.Blagoy // Problemy teorii i istorii literatury: Sb. st. – Moskva: Izd-vo, 1971. – S. 194–210.

Borisova, I. M. O kompozitsionnykh funktsiyakh graficheskikh formantov v poeme M.Yu.Lermontova «Demon» / I.M.Borisova // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 11. – S. 13–16.

Borisova, I. M. Pushkin v istorii grafiki russkogo klassicheskogo stikha / I.M. Borisova // Pushkin i pushkinskie traditsii: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchenoy godu A. S. Pushkina v Kazakhstane (7–8 dekabrya 2006 g.). Ch. 1. – Almaty: KazNPU im. Abaya. 2007. – S.113–120.

Chumakov, Yu.N. Sostav khudozhestvennogo teksta «Evgeniya Onegina» / Yu.N. Chumakov // Pushkin i ego sovremenniki: Uchenye zapiski Leningradsk. gos. ped. in-ta im. A.I. Gertsena. – Pskov, 1970. T. 434. – S. 20–33.

Lermontov, M. Yu. Sbranie sochineniy: v 4 t. T. 2 / M. Yu. Lermontov. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 704 s.

Shtayn, K. E. Graficheskaya faktura prozaicheskogo i poeticheskogo teksta M. Yu. Lermontova / K.E Shtayn, D. I. Petrenko // Lermontovskiy tekst: Stavropol'skie issledovaniya o zhizni i tvorchestve M. Yu. Lermontova. T. 2. – Moskva: Flinta, 2016. – S. 549–553.

Tynyanov, Yu.N. Problemy stikhotvornogo yazyka / Yu. N. Tynyanov. – Moskva: Sov. pisatel, 1965. – S. 24–76.